

Издательский
дом «Хроникер»
готовит
к выпуску книгу
под рабочим
названием
«Элем Климов.
Неснятые
фильмы».
Ее составила
Марина
Мурзина.

Наши души летят к невозможному

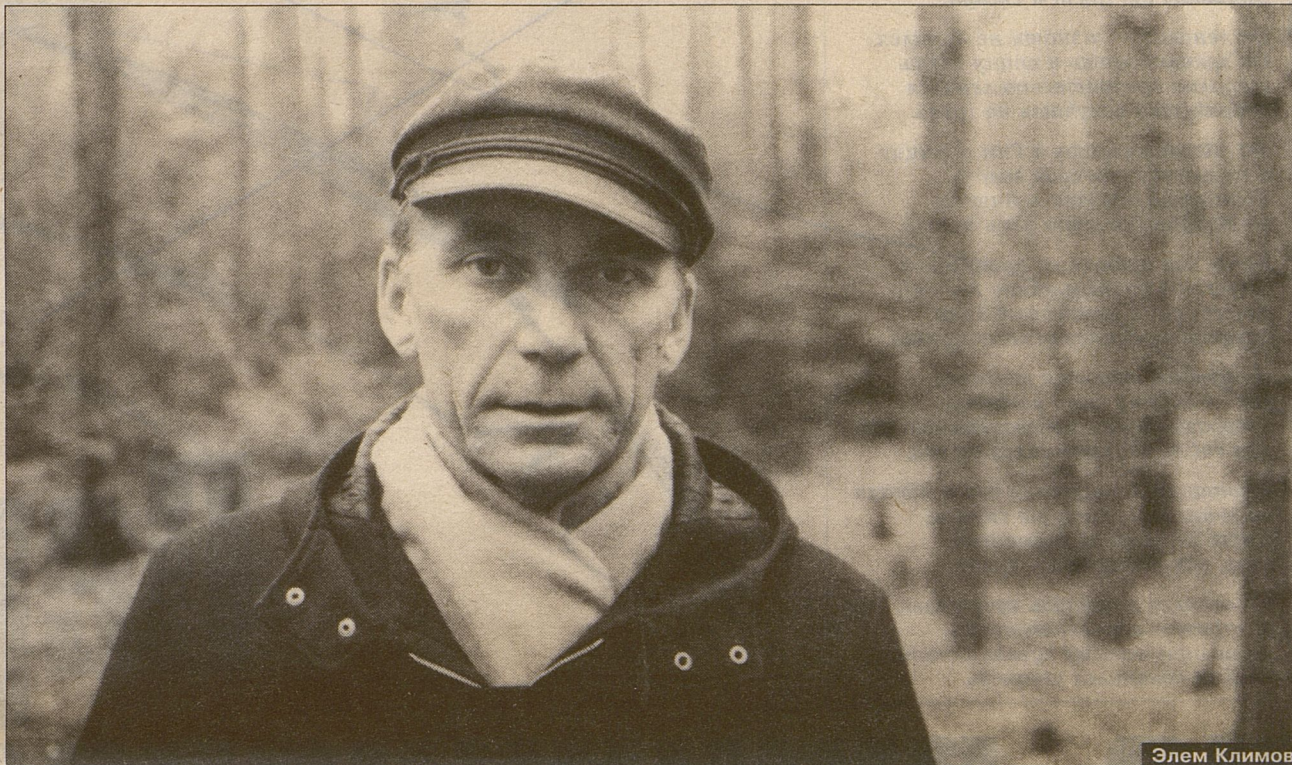
Эта книга необычна — сборник сценариев трех неснятых фильмов Элема Климова, посвященный его памяти. Два из них, «Вымыслы» (литературный вариант) по мотивам русского фольклора и «Мастер и Маргарита» (режиссерский), увидели свет впервые. Литературная версия «Преображения» печаталась в альманахе «Киносценарии» (1994 г., № 4—5).

Были у Элема и другие замыслы («Измена» по И. Бабелю, «Бесы» Достоевского, «Левша» Лескова, «Пьяные» по шукшинским рассказам, «Краткий курс» — о Сталине и сталинизме), но лишь эти три произведения закончены полностью. Экранизаций не случилось по разным причинам: внешним и внутренним, финансовым, идеологическим, человеческим.

Об этом вы, предвзято читая, узнаете из предисловия Германа Климова, кинодраматурга, брата, друга, соавтора Элема Германовича, — и в этих сценариях, и в кинематографической работе в целом. Там же цитируются интервью и самого Климова-старшего о его неснятых проектах.

Какой бы была история нашего кино, если бы возможно было режиссерам такого уровня таланта и личностного масштаба реализовать в свое время все задуманное? Остается предполагать теперь уже невозможное, как любил повторять Элем: «К невозможному летят наши души».

● Марина МУРЗИНА

Элем Климов

Армен МЕДВЕДЕВ: беспокоит нас, как

«Он по-прежнему Россия — весь мир»

Чем больше я вспоминаю Элема Климова, тем яснее в его необычайно блистательно-талантливой личности, одной из крупнейших в XX веке, прорисовываются черты трагические. Это был интеллектуальный человек, уникального достоинства, кристальной честности, несуетности. Трагически насыщенный. И я для себя пытаюсь понять природу этого трагизма.

Конечно, в жизни Элема было много трагических потерь и событий. Это — гибель его жены Ларисы Шепитко, это — судьба почти всех его шести фильмов, в особенности принципиально для него важных. Это — судьба его замыслов, список которых завершился «Мастером и Маргаритой». Но как ни странно, по-моему, дело даже не вполне в обстоятельствах его жизни и творческой биографии. Дело в самом складе его мироощущения.

Элем был из тех редчайших людей, которые искренне и свято верят в цельность мироздания. И очень тяжело переживают, когда эта цельность рушится у них на глазах. Элем это не раз в своей жизни переживал. И всякий раз из обломков старого пытался сложить нечто новое. Я не берусь здесь обозначить в его судьбе какие-то точные временные циклы, но это была его судьба: верить, опять и опять переживать разрушение надежд и идти на попытку восстановления надежды, целостности и гармонии.

Недаром после V съезда Союза кинематографистов 1986 года, когда он возглавил

союз и начал работу над новой моделью нашего кинематографа, в процессе этой сложнейшей работы самым ненавистным словом для него стало слово «фрагменты», или, как он говорил, «фрагментики». И недаром он все повторял: «Где же целое, общее, где модель?»

Смею предполагать, что это стремление к целостности везде и во всем скрыто где-то в недрах его биографии. Что есть детство Элема? Это восстановление после войны разрушенного Сталинграда, его родного города. Может быть, именно в тот период он поверил, что из обломков необходимо и возможно сложить нечто целое, гармоничное и прекрасное?

Далее — его приход в искусство. Он пришел в кино на рубеже 50 — 60-х из авиационного института, в обстоятельствах для тех лет неоригинальных: Тарковский — из востоковедения, Шукшин — из учительства, Иоселиани — из математики. Элем пришел после Московского авиационного института, даже не отработав положенных лет, что создало некоторые сложности при его зачислении во ВГИК уже после блестяще выдержанных им экзаменов.

Периодически возникают дискуссии: что такое шестидесятник, хорошо ли это — быть шестидесятником? Звучат и голоса, осуждающие это поколение, наше поколение.

Для меня шестидесятник — это не звание, не направление деятельности. Это самоопределение поколения. Не надо никуда воспарять мыслью или, напротив, углубляться в какие-то

недра: 60-е — это просто годы, в которые мы жили. Разумеется, шестидесятник шестидесятнику рознь, и я никогда не поставлю себя на одну доску с Элемом, но время у нас было одно на всех. И это было время надежд, когда лопнуло старое идолоподобное отношение к жизни, стране, рухнул сталинский культ личности и из-под обломков засветил свет. Свет надежды. И для Элема — в высшей степени.

Я вспоминаю первую вгиковскую работу Климова «Жизни». Если бы был какой-нибудь всемирный конкурс на высшую материализацию чистоты и надежды, то этой картинке, если бы это зависело от меня, присудили бы первое место. Перенести историю Ромео и Джульетты в первый класс современной тогдашней школы и выдать такой ее сложный и одновременно бесхитростный парадокс, такую вот оду радости — в этом весь Элем, верящий в силу, красоту и гармонию мира. Эта цельность, победительность взгляда на мир была и в других его студенческих картинах: «Смотрите — небо!», «Осторожно: пошлость». И, конечно, в первой его полнометражной, дипломной работе, ставшей абсолютной классикой, воспринимаемой удивительно современно и сегодня, спустя сорок лет, —

«Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!».

Тридцатилетний Элем был сразу же принят в круг мастеров нашего кино, о нем стали писать, говорить, это все так. Потом были «Похождения зубного врача» — фильм, которым сам он был недоволен. И если говорить уже о драматизме, связанном с выходом его картин, то это, конечно, история с «Агонией». Как это ни парадоксально, но и эту картину он делал о цельности мира и о той злой силе, которая способна обволакивать красоту мироздания. И разорвать эту злую силу — тоже означает победу той самой цельности. Ему навязывалась идея снять картину о революции к ее 50-летию, о последних днях правления последнего императора России, но он делал свой фильм совсем не про это. И, как известно, «Агония» увидела свет почти спустя двадцать лет.

А история с созданием «Иди и смотри»? О том, что довелось пережить Элему тогда, на протяжении нескольких лет, когда картину не раз закрывали, известно достаточно, в том числе и им самим рассказано в печати. Это мучительная история, закончившаяся для него болезнью в прямом смысле слова. Такую мощнейшую и трагичную картину о войне мог снять

именно человек, детство которого связано с не равнодушным, а с сердечным созерцанием разрушенного, разваленного мира огромного города, где он родился и жил. Только такой человек мог глубоко понять войну как всеобъемлющее, бессмысленное, всеохватывающее зло, как, опять-таки, ту злую силу, которая пытается разрушить мир и цельность бытия.

Первоначально картина называлась «Убейте Гитлера». Убейте Гитлера в себе — это имел в виду Элем. Наивно? Может быть. Но и в этом проявились его честный, прямой взгляд на вещи, его удивительно цельное, здоровое мироощущение. Ему говорили: «Как это — «Гитлера в себе»? А во мне нет никакого Гитлера!».

К сожалению, не получилась задуманная им ключевая, важнейшая для него сцена «кругового боя» на горящем острове под заходящим солнцем, когда уже непонятно, кто кого убивает...

Состояние советской кинематографии в 80-х — это была катастрофа, Элем воспринимал ее как личную, потому что все, связанное с нашим кино, с его историей, с его славными именами, было для него свято и дорого, и катастрофу эту он переживал очень сильно. Советский кинематограф — это было то, в чем он вырос, что любил, и, думаю, он и согласился возглавить союз, веря в возможность его возрождения и возрождения нашего кино, которое, по-моему, ощущается только лишь сегодня.

В те годы как раз был по некоторым важным вопросам оппонентом Элема, и даже предлагалось из-за этого исключить меня тогда из союза. А теперь я являюсь одним из, мне кажется, очень немногих людей, понимающих: все, что

произошло на V съезде, было необходимо.

Говорили, что он жесток, беспощаден, негибок. Неприимим — да. Он был неприимим, потому что раньше других увидел, понял, что люди, которых он верил, которых любил, ради которых все кардинальные перемены и задумывались, и свершались, не очень-то и хотят этого. Зато очень много хотят каждый лично для себя. Элем называл это свое понимание «отравлением человеческим фактором».

Я начал с того, что Элем — фигура трагическая. Если бы он был отстранен от времени, был равнодушен к нему, если бы нашел в нем свою нишу — ему было бы легче жить. А все трудности, потери его жизни были бы просто фактами его биографии, а не проявлениями общей изначальной трагичности его не биографии — судьбы.

Он верил в этот мир. Было в нем это — «соберем и восстановим» и жило до самого его ухода из жизни. А когда он окончательно понял, что мир обманул и опять обманет, вот тогда-то дверь и закрылась, и он остался один с самим собой. Да, не пускал никого, не хотел пускать. Но ни в коем случае не должно быть у каждого из нас, кто был близок к нему, самооправдания.

В последние годы мы крайне редко его видели и слышали. Но при этом подлинно была и осталась, по крайней мере у меня, некая оглядка на него: а что бы он сказал, как бы поступил? Думаю, что и дальше он будет беспокоить нас, как Россия беспокоит весь мир. Имя Элема Климова, я в этом убежден, забвению не подвластно.

В Элеме Климове было это:
«соберем и восстановим», —
до самого его ухода
из жизни